

«А дальше — Иван, Степан, // Савелий, Игнат, Кузьма. // Любые пиши имена!».

¹ Шкляр евский И. Слово о Куликовом поле: По «Сказанию о Мамаевом побоище». Поэма. / Предисловие Д. С. Лихачева.— Октябрь — 1982.— № 9.— С. 3. Дальнейшие ссылки на это издание даются в тексте статьи с указанием страницы в скобках.

И. М. КЛЮЧЕНОВИЧ

ЕДИНСТВО СУДЕБ — ЕДИНСТВО ПОИСКОВ

Истоки дружбы, взаимодействия культур двух народов-соседей, белорусского и литовского, восходят еще к XIV веку, когда в Великом княжестве Литовском появилась письменность на древнерусском языке. Основание же в 1525 году в Вильнюсе выдающимся белорусским просветителем и гуманистом типографии и выпуск в свет книг «Апостол», «Малая подорожная книжица» и др. стали поистине знаменательной вехой в сближении и культурном взаимодействии обоих народов. Именно появление книгоиздания могло содействовать и, бесспорно, содействовало, несмотря на различные исторические катаклизмы, интенсивному творческому общению соседних народов.

Если далекие столетия донесли до нас лишь отдельные примеры взаимодействия двух культур, чаще просветительского плана, то XIX век и век нынешний дают широкую панораму этого живого творческого процесса, стержнем которого становится единство народных судеб.

Начиная с первой половины XIX века в литовской литературе «программной темой становится тема национального самосознания, тема судьбы и перспектив нации»¹. Демократические мотивы, все усиливаясь, звучат в народно-песенной поэзии А. Страздаса, Д. Пошки, С. Валюнаса. Романтическая поэма А. Баранускаса «Аникшяйский бор», по существу, являет собою первую энциклопедию народной жизни Литвы. Что же касается творчества литераторов второй половины XIX века — повесть М. Валанчюса «Юзе из Паланги», проза В. Петариса, поэзия П. Вайчатыса и публицистика В. Кудирки, — то оно, почти целиком обращенное к проблемам народной жизни, вбирает в себя не только романтические традиции, но и законы реалистической литературы. В этом плане литературная деятельность на переломе XIX и XX столетий певца литовского национального возрождения Йонаса Мачюлиса (Майрониса) и классика литовского реализма Юлии Бенюшявичюте-Жимантене (Жемайте) заложили основы для становления новой литовской литературы.

Вхождение Белоруссии и Литвы с конца XVIII века, после третьего раздела Речи Посполитой, в состав России прекращало не только насильственное ополячивание и окатоличивание белорусских и литовских народных масс, но и создавало благоприятные условия для проникновения в их культуры лучших достижений культуры русской. Именно она — русская культура — и стала впоследствии организующим, объединительным центром восточноевропейской культуры. Именно под воздействием русской литературы и в белорусскую, и в литовскую литературу проникают в этот период идеи классиков русской литературы В. Белинского и Н. Чернышевского, идейно-эстетические достижения Н. Добролюбова, Н. Некрасова, Л. Толстого.

Так, начиная с пореформенного периода, белорусская литература опирается уже на реалистические принципы. Белорусский «крестьянский демократизм» с присущими ему чертами реализма и народности широко проявляется не только в творчестве В. Дунина-Марцинкевича, но и в произведениях литераторов более позднего периода — Ф. Богушевича, Я. Лучины, А. Гуриновича и др.

Революция 1905—1907 годов, затем первая мировая война напра-

вили развитие обеих литератур — белорусской и литовской — по новому руслу. Борьба за социальную справедливость и национальные права становятся теперь их единым и главным идейным лозунгом. В белорусской литературе революционно-демократическое направление обретает силу в творчестве Я. Купалы и Я. Коласа, Алоизы Пашкевич (Тетки) и М. Богдановича, М. Горецкого и Т. Гартного, Ядвигина Ш. и З. Бядули, в литовской — в публицистике и прозе В. Мицкявичюса-Капсукаса, в поэзии Ю. Янониса и прозе Й. Билюнаса.

Ретроспективно рассматривая процесс развития двух литератур, нельзя не прийти к выводу о том, что исторически сложившееся единство народных судеб литовцев и белорусов обусловило и единство развития их культурных достижений, в том числе литературных.

В творческом единении литератур Белоруссии и Литвы, их идейно-тематическом содержании особую роль сыграл Великий Октябрь. Несмотря на поражение революции и захват власти в Литве реакционной буржуазией, прогрессивная литовская литература досоветского периода развивалась если не под прямым, так под косвенным воздействием советской многонациональной литературы, прежде всего русской.

Так, если в начале 20-х годов проблема человека из народа в произведениях литовских писателей еще только намечается, обретает первые очертания (повесть «Дяди и тетки» Ю. Тумаса-Вайжгантаса, новеллы «Под соломенной крышей» В. Креве, роман А. Ветуолиса «Палата интеллигентов»), то уже в творчестве литераторов «четырёхветровцев» (К. Бинкис, С. Шямарис, П. Тарулис и др.), издававших журнал «Кятури ветей» («Четыре ветра», 1924—1928), воспеваётся человек как «дитя ветра», свободы и оптимизма. Определить же, по словам К. Корсакаса, «с кем идти в жизни и творчестве: с Роменом Ролланом, Максимом Горьким, Теодором Драйзером, с новым течением, с пролетарской литературой или с гнивающей буржуазией, со всякими западными и литовскими мистиками»², предстояло молодым прогрессивным писателям Литвы, объединившимся в 30-е годы вокруг журнала «Трячас фронтас» («Третий фронт»). Обращаясь к опыту советских писателей (М. Горького, В. Маяковского, К. Федина, М. Шолохова и др.), многие литовские литераторы в своем неореалистическом творчестве синтезировали экспрессионизм, футуризм и реализм (К. Борута, П. Цвирка, К. Корсакас, Й. Шимкус, А. Венцлова, С. Нерис). Их герой чаще всего — крестьянин или рабочий из предместья, угловатый, борющийся за свои права простой человек из народа. И естественно, что именно на этой, гражданской основе, на позициях утверждавшегося реализма не только формировалась, но и вызревала, несмотря на противоречия и искания, литовская пролетарская литература, зачинателями которой еще в революционные годы стали поэт-большевик Ю. Янонис и первый литовский критик-марксист В. Капсукас.

Ориентируясь на народ как главное действующее лицо, прогрессивная литовская литература досоветского периода, по существу, решала или пыталась разрешить те же идейно-эстетические проблемы, что и литература советская. Потому, максимально приближенная под воздействием идей Октября к реалиям жизни и опирающаяся на опыт советской литературы, она смогла в короткий срок после восстановления в Литве Советской власти (1940) перейти на рельсы социалистического реализма, принять на вооружение единые для всей советской многонациональной литературы принципы народности и ленинской партийности.

На совершенно новой социально-исторической основе развивалась в послеоктябрьский период белорусская литература. Достаточно сказать, что социалистическое переустройство города и деревни, экономики и быта людей, их нравственности придало ей уже в 20—30-е годы мощный импульс, определило «интенсивность развития белорусской литературы как литературы большого социального дыхания и высокой эстетической культуры»³. Традиции революционного романтизма и художественного реализма, вошедшие в дооктябрьскую литературу Белоруссии с именами

Купалы, Тетки, Богдановича, стали надежной основой становления и развития главных принципов социалистического реализма в белорусской советской литературе.

В период больших социальных преобразований, происходивших в молодой советской республике, зазвучали, вслед за Купалой и Коласом, имена поэтов М. Чарота и В. Дубовки, П. Труса и П. Бровки, А. Кулешова и П. Панченко, прозаиков К. Чорного и З. Бядули, Т. Гартного и М. Зарецкого, П. Головача и М. Горецкого, М. Лынькова и К. Крапивы. Тематика их произведений — революция и гражданская война, история и современность, день вчерашний, сегодняшний и завтрашний. Главным действующим лицом в творчестве писателей Советской Белоруссии, как и прогрессивных писателей Литвы, утверждался человек-труженик, с той, правда, существенной разницей, что в белорусской литературе, в отличие от литовской, этот человек, взятый из реальностей новой, социалистической жизни, был уже иного, нового склада и порядка — советский человек с его новыми устремлениями, новой психологией и новым миропониманием. Естественно, новый герой белорусских писателей (и купаловские «орлята», и многочисленные положительные персонажи из «малой» прозы Лынькова и Бядули, и Зося, и Михал Творицкие из «Третьего поколения» Чорного), зримо воспринимающий социалистический образ жизни, не в пример герою литовской литературы досоветского периода, социально активнее, динамичнее в своем развитии, наконец, целеустремленнее.

Суровые годы Великой Отечественной войны не разобшили национальные литературы Страны Советов, в том числе Белоруссии и Литвы. Напротив, связав их единой судьбой, они вдохнули в них общечеловеческие идеи борьбы с врагом, дружбы и интернациональной солидарности трудящихся. Произведения Купалы и Гиры, Коласа и Венцловы, Панченко и Нерис, Танка и Межелайтиса, Кулешова и Корсакаса, наполненные оптимизмом и верой в неиссякаемую силу советского человека-борца, создавали в военную пору картину всенародной борьбы с фашизмом. Ибо как белорусских, так и лучших литовских писателей Отечественная «война вплотную подвела... к таким событиям и явлениям, которые выходили за рамки национального бытия и в то же время определяли судьбу нации»⁴. И хотя в произведениях литовских литераторов («Рука возмездия» П. Цвирки, поэмы «Фашисты в литовской деревне» и «Комсомолец Баранаускас» Л. Гиры, сборники стихов «Пой, сердце, жизнь» и «Соловей не может не петь» С. Нерис, «Там, где яблоня высокая» А. Венцловы, «Птицы возвращаются» К. Корсакаса, «Венок из слез» Ю. Балтрушайтиса) порой преобладает излишне философская трактовка национальной судьбы, перемежаемая мотивами жгучей тоски по отчей земле, тем не менее обостренный взгляд художников слова на суровую реальность войны, пропущенный чаще всего через «ритм сердца рядового солдата», позволяет ощутить и обобщенный образ страны социализма, и гуманистический мотив осуждения бесчеловечности фашизма. В этом плане белорусская литература периода войны (например, сборники стихов «Белорусским партизанам» Я. Купалы и «Отостим» Я. Коласа, поэмы «Знамя бригады» А. Кулешова и «Молодость в походе» П. Панченко, «Беларусь» П. Бровки и «Янук Селиба» М. Танка, повести и рассказы К. Чорного и М. Лынькова), развивая уже прочно утвердившиеся в ней принципы социалистического реализма, несла в себе не только философию справедливости и жизнеутверждения, героизма и безмерной любви к Родине, но и коммунистические, ленинские идеи интернационализма и братства народов.

Так, личностная ответственность за судьбы Родины, подчиненность личностных мотивов мотивам глубоко общественным по-новому вырисовываются, кристаллизуются как в «военной» лирике, например, Панченко («Отчизна моя, радость моя,/ Песня моя молодая./ По рощам твоим, по твоим полям/ Сыновнее сердце рыдает»), так и Венцловы («Ты взрастила меня и вскормила, как сына,/ И дыханье свое ты смешала с моим./

И душою с тобой мы слились воедино./ Будем вместе бороться — и мы победим»).

Мотивы всенародной борьбы и защиты Отечества, интернационального единения и братства советских народов, утверждавшиеся в годы войны во многих произведениях белорусских и литовских литераторов, не могли не получить своего дальнейшего и естественного развития в послевоенный период, полный огромных социальных перемен в жизни республик. Все, что было, по словам Цвирки, «оплачено ценою братской крови», входит теперь в плоть и кровь художественного слова каждого писателя — и белорусского, и литовского. Образ советского человека (будь то литовец или белорус), не ограниченного узкими национальными рамками, предстает во весь рост и в «Братской поэме» Э. Межелайтиса (литовцы Саулюнас и Данас, белоруска Алеся), и в романе «Когда сливаются реки» П. Бровки (белорус Алесь Иванюта и литовская девушка Онежка). Единство тем и мотивов звучит, обретая новую силу, в стихах и поэмах А. Кулешова («Новая книга») и Э. Межелайтиса («Человек»), П. Панченко («Декабрь») и Ю. Марцинкявичюса («Кровь и пепел»), в прозе И. Авижюса («Деревня на перепутье») и И. Мележа («Полесская хроника»), Я. Брыля («Птицы и гнезда»), В. Быкова («Альпийская баллада») и Б. Сруоги («Лес богов»), И. Науменко («Сосна у дороги», «Ветер в соснах», «Сорок третий») и А. Беляускаса («Мы еще встретимся, Вильма»).

Говоря о сегодняшнем единстве идейно-тематического диапазона литератур Беларуси и Литвы, национально-самобытных по своему характеру, следует отметить и ту существенную роль, которую играло на протяжении десятилетий и даже столетий творческое взаимодействие культур двух соседних народов. Это взаимодействие, первой колыбелью которой стала по историческим условиям литовская земля, шло с именами Ф. Скорины и К. Калиновского, Тетки и Й. Билюнаса, А. Мицкевича, М. Богдановича и Ф. Богушевича, Л. Гиры, А. Гудайтиса-Гудзявичюса, П. Цвирки и А. Венцловы, Я. Коласа и Я. Купалы... То самое взаимодействие, которое обрело в сегодняшние дни наибольшую творческую наполненность. То самое взаимодействие, мощным ускорителем которого стал социалистический образ жизни советского человека.

¹ История литовской литературы.—Вильнюс, 1977.—С. 57.

² Там же.—С. 291.

³ История белорусской советской литературы.—Минск, 1977.—С. 13.

⁴ История литовской литературы.—С. 493.

Г. Л. НЕФАГИНА

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ТРАДИЦИОННОГО СЮЖЕТА В РОМАНЕ М. ЗАРИНЯ «ФАЛЬШИВЫЙ ФАУСТ»

В истории мировой литературы существует ряд образов и сюжетов, передающихся из эпохи в эпоху. Они имеют определенный устоявшийся смысл и воспринимаются как символы. Таковы традиционные Прометей, Христос, Фауст, Дон Жуан и др. Они способны наполняться конкретным, актуальным для своего времени содержанием, обладают потенциалом интерпретации и осовременивания. Такие образы стали генетико-типологическими центрами циклов разножанровых произведений. Особенно многочисленны произведения фаустовского цикла, так называемая фаустиана.

Образ Фауста претерпел значительную эволюцию, начиная с фольклора Средневековья, через «народную книгу» Шписа до литературной обработки английским драматургом Кристофером Марло¹. Но непреходящее значение этого образа связано с трагедией Гете и объясняется философским осмыслением «человечества в лице одного человека»². Именно гетевский образ является ядром и генетическим началом всех